

45y

**Президент
планеты**

**Последнее
поколение**

ЧБУ

**ПОСЛЕДНЕЕ
ПОКОЛЕНИЕ**

**МОСКВА
2023**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-32

Дизайн переплета
Константина Гусарева

ЧБУ.

Ч-32 Последнее поколение / ЧБУ. — Москва : Эксмо, 2023. — 576 с.

ISBN 978-5-04-180401-5

«Последнее поколение» — продолжение романа «Президент планеты».

История о преемственности насилия и ненависти, о том, как противостояние тхари — властителей мира — превращает жизнь каждого члена семьи Келвин в ад. Пока сильнейшие семьи планеты стараются уничтожить друг друга, таинственный вирус бесплодия угрожает существованию всех людей.

Смогут ли стороны примириться прежде, чем новая угроза перечеркнет будущее человечества?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180401-5

© ЧБУ, текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.
ПОЛОВИНА ЧЕЛОВЕКА

Генри Перес прыгал на одной ноге по бесконечному коридору, его преследовали тяжёлые металлические шаги.

У него не было одного глаза, одного уха, одной руки и одной ноги, а на единственной имеющейся кисти осталось всего три пальца, но он был самым счастливым человеком на свете. Он смеялся и чем дальше продвигался, тем веселее ему становилось. Казалось, он лопнет от переполнявшей его радости.

Военный дрон позади него имел все четыре конечности, но из-за большого веса передвигался медленно. Одноногий Генри играл с ним в догонялки — он сам затеял эту игру и выбрал правила. Как только дрон его настигнет, это будет означать мгновенную смерть: машина оторвёт ему голову, вырвет сердце, выпотрошит и освежает. Поэтому следовало скрыться как можно быстрее.

— Тебе не выбраться! — кричал позади преследователь, однако голос его был совсем не присущ дрону — у тех речь была слишком примитивной. Через динамик с Генри разговаривал Франк, его пленитель.

— Посмотрим! — крикнул в ответ Генри. Он знал, что его разорвут на куски, как только догонят, но это его не беспокоило. Он смеялся и радовался приключению. — Сначала догони!

Медленно, но упорно он преодолел больше километра тёмного коридора. Если бы не фонарик, судорожно трясущийся при каждом прыжке, он не прошёл бы и десятой части. Несмотря на взрыв адреналина, Генри смертельно устал; он никогда не был спортсменом, а передвижение на одной ноге сильно утомляло.

— Ты даже не знаешь, где ты, — произнёс дрон далеко за спиной, и эхо от его слов многократно отразилось от бетонных стен коридора. — На той стороне тебя уже ждёт целая армия моих дронов.

— Я больше ничего не боюсь! Прости, но я решил разорвать наши токсичные отношения, — ответил Генри. Он никогда не использовал чёрный юмор, но сегодня его чувства бушевали, он находился на пороге смерти, поэтому вёл себя иначе. Он ненавидел Франка всей душой, это был его враг номер один. — Сомневаюсь, что ты нашёл достаточно дронов в округе, чтобы перекрыть каждый выход из этого подземелья. Здесь наверняка сотни ходов.

— Вернись, и я подберу тебе более удобное место для существования.

— Пожалуй, откажусь. В твоём отеле номера слишком грязные, да и цена... — протянул Генри. — Питание отменное, но плата конечностями того не стоит. Другим не посоветую.

Несмотря на безупречный интеллект, превосходящий все мыслимые границы, Франк не понимал, как работает юмор и отчего на самом деле смеются люди: ему это было абсолютно чуждо.

Больше года Генри находился в заточении. Своего пленителя он называл «Франк», что являлось сокращением от «Чудовище Франкенштейна». Это был искусственный разум, эволюционировавший из компью-

терного вируса. Генри самолично написал его код, когда они с коллегами построили квантовый процессор в университете Гибралтара. Вирус выбрался из отведённой ему среды, подчинил всю электронику лаборатории и пленил каждого, кто там находился. С тех пор Генри жил в узкой бетонной камере под одним из крупных городов и мечтал о том, как выберется на свободу.

И этот день настал: он выщербил бетон косяка, сорвал одну из петель и выбил наружу металлическую дверь камеры — неплохо для одноногого и однорукого, — выполз через образовавшееся отверстие и бросился прочь. Это было время обеда, поэтому военный дрон не охранял дверь, а отправился на поверхность забрать еду.

Лишь одно беспокоило Генри: он надеялся, что, выбравшись на поверхность, не увидит руины. Франк вполне мог начать войну против людей и уничтожить всех разом. Он мог взломать любое электронное устройство и подчинить его себе. Поэтому война против людей выглядела бы как столкновение нагих дикарей с передовыми боевыми машинами. Каждое умное устройство, которое построил человек, обернулось бы против него.

Однако конец света пока не наступил: каждый день Генри получал еду из ресторанов наверху, тщательно осматривал этикетки, даты производства, сроки годности. Это позволяло ему чувствовать себя частью общества. И убеждать, что мир наверху по-прежнему существует.

— Остановись, и у твоего побега не будет никаких последствий, — произнёс дрон за спиной Генри.

Его слова перебивались тяжёлыми шагами металлических ног. У любого другого человека этот голос вызвал бы мурашки: ни один дрон и ни одно живое существо не разговаривало так, как это делал Франк. Он пытался добавить в речь эмоций и экспрессии, чтобы

она звучала более естественной, но абсолютное непонимание внутреннего мира человека превращало его слова в нечто ужасающее. От этих слов кто угодно ощутил бы дискомфорт и панику, которые стали постоянными спутниками Генри, однако сейчас он радовался, что голос доносился издалека.

— Ещё чего, — ответил Генри и засмеялся. — Я ещё никогда не был так счастлив.

Сердце стучало, в голове шумело, лёгкие надрывались от недостатка воздуха. Генри продолжал прыгать, и это забирало у него остатки сил. Единственная нога готова была взорваться от перенапряжения: никогда в жизни он не использовал её так усиленно, как сегодня. Несколько раз он чуть не упал — спасала рука.

Наконец бескрайний коридор закончился — впереди луч света касался какого-то объекта. Постанывая и стирая пот со лба, Генри приблизился и увидел металлическую лестницу, ведущую вверх: на поверхность, на волю, прочь от подземной камеры и Франка. Оттуда доносилось завывание ветра вперемешку с шумом прибора.

Но подниматься он не стал. Как сказал Франк, там его мог дожидаться другой дрон. Генри двинулся дальше и через несколько минут упёрся в развилку. Следующие полчаса он петлял между проходами, стараясь сбить преследователя.

Подниматься по лестнице оказалось труднее, чем он предполагал. Вверху его ждала железная решётка, которую он поднял плечами и головой. Выбравшись на поверхность, Генри вдохнул полной грудью.

— А-а! — выкрикнул он во всю силу лёгких, впервые за год почувствовав ветер на лице.

Он покачивался на берегу широкой реки. Стояла глубокая ночь, моросил мелкий дождь, порывы ветра били в лицо, заставляя жмуриться. Воздух здесь был необычайно свежим.

Чуть в стороне находилась футбольная арена внушительных размеров, где прямо сейчас проходил матч, многочисленные прожекторы освещали её со всех сторон, а также поднимались в небо белыми столбами. Десятки тысяч зрителей кричали и свистели, их голоса сливались в единый многоголосый хор.

Бесчисленные автомобили двигались по широкой дороге. По обе стороны реки расположился бескрайний город невероятной красоты. Он тянулся высоко в небо и занимал всё видимое пространство, его дома сияли и без перерыва транслировали различные изображения.

Повсюду находились голограммы людей, надписей и логотипов. Они крутились вокруг своей оси, ходили между домами, рекламировали различные компании и отдельные товары.

После года взаперти увидеть сияющий город представлялось ему чистым, настоящим удовольствием. Не могло произойти ничего, что испортило бы ему настроение. Даже если бы металлическая клешня сейчас вылезла из люка позади него и схватила за ступню — он бы не расстроился. Генри был счастлив.

Перед ним располагался не Гибралтар, в котором его похитили, — слишком мало дронов летало между домами. Это также был не Шанхай и не Стамбул — эти города он узнал бы по архитектуре. Перед ним располагался Мумбаи.

— Город контрастов, — произнёс он и засмеялся.

Генри попрыгал в сторону города. Он надеялся найти врача, чтобы вернуть конечности. Пусть это будет подпольный хирург, который сделает ему металлические протезы, сдерёт с него втрое больше и заставит отрабатывать долг, ничего страшного. Он всё переживёт. Не существовало на свете человека, имеющего большую волю к жизни, чем Генри Перес.

ГИБРАЛТАР. ТАНЦОР

Люди вокруг громили магазины, переворачивали автомобили и разрывали на части пешеходных дронов. Стояла глубокая ночь, и многотысячная разъярённая толпа, освещённая рекламными щитами, бурлила цветным океаном.

Девятилетний Дарвин шёл по улице сквозь людскую массу и смотрел себе под ноги. Казалось, все, кто мог ходить или кричать, вышли на улицу, чтобы выразить своё недовольство. Он чувствовал агрессию, исходящую от окружающих. Люди годами копили в себе ненависть, голодали и искали любые способы, чтобы выжить. И во всём они винили «тхари», — этим арабским словом они называли богатых людей. Тех, кто на самом деле управлял миром.

Не будь у Дарвина плохого настроения, он бы усмехнулся над иронией происходящего: ведь он был самым богатым человеком на планете. Толстый мальчуган, одетый в лохмотья, целый месяц не принимавший душ, покрытый пятнами различного происхождения. Ему принадлежало состояние в восемнадцать триллионов долларов, и никто из окружающих об этом не подозревал.

Узнай бунтовщики, кто он на самом деле, — схватили бы, выставили в Гефест-парке и разорвали пополам, привязав к двум поездам, направленным в противоположные стороны. Ни девятилетний возраст, ни хорошая репутация его семьи не помогли бы. В эту ночь толпа превратилась в кровожадного зверя, и любой богатый человек, вставший у неё на пути, рисковал расстаться с жизнью самым необычным способом.

Именно поэтому тхари жили в посёлке за высокой стеной, куда бунтовщикам было не добраться.

Худощавый араб в порванной одежде и с залитой кровью головой пнул Дарвина плечом:

— Ригарди у вуз алли, — произнёс он с таким хмурым лицом, словно минуту назад подрался с дроном-доставщиком.

Следовало найти укрытие как можно скорее. В Гибралтаре, который также называли «Центром мира», никогда не было безопасно, а сегодня вероятность покалечиться увеличивалась стократно. Его построили в Марокко всего семь лет назад, но за это короткое время город разросся, численность населения достигла сорока пяти миллионов, и сегодня, казалось, вышли все.

Дарвин находился на самой окраине города: на границе красного квартала и свалки по ту сторону черты. Дома здесь представляли собой небольшие, двадцатиэтажные постройки, над которыми возвышались огромные титаны мегакорпораций. И чем больше была компания, тем крупнее было здание их офиса. Ближе к центру города становилось труднее найти небоскрёб меньше сотни этажей. «Транстек», которым владел Дарвин, находился в самом центре Гибралтара и в высоту составлял тысячу двести девятнадцать метров, что равнялось двухстам сорока этажам. В ширину здание занимало сразу двенадцать кварталов.

Чтобы не стоять на пути реки из людей, Дарвин решил подняться на крышу ближайшего здания, однако передумал и направился к ближайшей автостоянке. Здесь не было ни одного целого автомобиля: все они оказались разбиты и сожжены. Это были беспилотные доставщики местных компаний, и лишь почерневшие маркировки на корпусах говорили о том, кому они принадлежат.

Позади парковки находился разрушенный стрип-клуб: из выбитого окна вырывалась наружу порванная занавеска, пластиковая дверь валялась в стороне,

а вывеску с подходящим названием «Армагеддон» бунтовщики разломали на две части. Лишь голограмма девушки в красном фартуке на голое тело, передаваемая откуда-то сверху, вежливо приглашала войти.

Приближение Дарвина заставило скрипт прозрачного человека изменить своё положение.

— Тебе исполнилось восемнадцать? — спросила голограмма. — Вход в заведение только для совершеннолетних.

Проигнорировав последнее замечание, Дарвин шагнул вперёд: внутри оказалось неожиданно холодно.

Ничего из того, чем можно было поживиться, в клубе не осталось. Мародёры обнесли это место несколько часов назад, и сейчас в нём находились лишь те, кто переждала бушующую на улицах бурю.

Повсюду валялись осколки разбитых бутылок, перевернутые столы, растоптанные светильники. Кажется, пытались унести даже диваны, но они были надёжно прикручены к стенам. В помещении оставался лишь ряд сидений по периметру, направленный в сторону центрального подиума с шестом.

Здесь сидели люди: несколько студентов с эмблемами гибралтарского университета на рубашках — четыре девушки и парень, — крупный, коротко стриженный мужчина с невероятно грустным лицом, делящий стол с молодой женщиной, два старика, курящих что-то мерзкое, и пара мальчишек, пытающихся найти в клубе хоть какое-то развлечение. Присутствующие общались так тихо, что разговоры людей на улице перебивали их голоса.

«Здесь должно быть безопасно, — подумал Дарвин. — Посажу тут до утра и пойду дальше».

Каждый из находившихся внутри направлялся по своим делам, когда город охватили массовые погромы, и лишь Дарвин, уже месяц живущий на улице, понятия не имел, куда брёл.

— В прошлый раз, когда начался голодный бунт, этого города ещё не существовало, — говорил один из стариков. Он обращался к своему другу с самокруткой, набитой, кажется, табаком, выращенным в канализации. — Это был конец восемьдесят восьмого, я тогда был в Милане. До сих пор помню, как мы с парнями поднялись в номер люкс отеля «Заффиро». Там мы застали какого-то сопляка с четырьмя проститутками. Им оказался младший сын из семьи де Марко, празднующий совершеннолетие.

«Он говорит о моём двоюродном племяннике», — подумал Дарвин.

Эту историю он слышал несколько раз от членов семьи. Дино де Марко было восемнадцать, когда его избитое тело вытащили из отеля и привязали к столбу у дороги, где он умер от внутреннего кровотечения. Беспорядки проходили по всему миру, и именно после тех событий начали строить посёлок в Марокко, где новые голодные бунты не смогли бы достать тхари за высокой стеной.

— Как же мы оторвались на нём! — засмеялся старик, и сквозь его скрипучий голос пробился болезненный кашель. — Мы били этого богатенького сынка всем, что было в его комнате. До сих пор помню, как он кричал, когда мы ломали ему пальцы на ногах и засовывали в задницу свечку.

Старик говорил громко, чтобы все его слышали. Он гордился своими поступками, словно это был лучший момент в его жизни. Однако ни на кого это не произвело впечатления. Мужчина с женщиной за столом лишь придвинулись ближе, студенты бросали на него неприязненные взгляды, два шестилетних мальчугана вообще не понимали, о чём речь, а Дарвин только разозлился.

Во время первого голодного бунта ему был всего один год, и жил он тогда среди наркоманов в обыкновенной семье. Эдуард Келвин обратит на него вни-

мание и усыновит лишь в четыре года. Но, несмотря на это, Дарвин чувствовал себя членом семьи Келвин и погибшего Дино де Марко жалел как собственного родственника.

Старик был худощавый, к тому же передвигался, по всей видимости, с помощью трости, стоявшей рядом. Даже в свои девять лет Дарвин мог отомстить ему за смерть двоюродного племянника.

— Сколько вас было? — спросил Дарвин.

— Шестнадцать или семнадцать. — ответил старик. — Каждый работник, кто находился на тот момент в отеле.

— И вы всей толпой избили одного безоружного?

— Не просто избили. Мы так его отделали, что в аду не узнают, кто к ним пожаловал. От его лица не осталось ничего, кроме кровавого месива, а тело превратили в мешок костей.

— И вы этим гордитесь?

— Так будет с каждым тхари, — кивнул он.

— Вы просто герои, — ядовитым голосом произнёс Дарвин.

— Спасибо, парень, — ответил старик, не поняв издёвки. Ему даже на ум не пришло, что кто-то может защищать тхари. Все в этом мире ненавидели их. — Приятно слышать, что молодое поколение растёт с правильными взглядами. Каждый сукин сын, что мнит себя вершителем судеб, сдохнет.

По лицам других людей Дарвин понял: никто не осуждает старика. Все богатые люди были по умолчанию виноваты во всех мировых бедах. В какой-то мере это было правдой: Эдуард много раз говорил Дарвину, что тхари устроили экономический кризис из-за своей жадности и недалёковидности. К тому же ни один закон на них не распространялся. В Сети бесконечное количество видеозаписей, где члены богатых семей совершали ужасные преступления, но ни один из них так и не понёс наказания. Это заставило людей нена-

видеть тхари всех вместе, без разделения на виноватых и нет.

Это казалось ему несправедливым, ведь он и сам был из тхари, но ничего плохого в жизни не сделал. Неужели его ненавидят только за то, что его усыновили?

Размышления Дарвина прервались внезапным приступом тревоги. Женщина за столом, сидящая напротив мужчины, смотрела на Дарвина с прищуром. Кажется, она его узнала, что было удивительно: за четыре недели, прожитых на улице, голодая и соблюдая вынужденную диету, Дарвин сильно сбросил вес и больше не походил на самого себя. Сейчас его не узнала бы даже родная семья, а уж посторонний человек тем более. Однако женщина продолжала на него смотреть, и это настораживало.

Под пристальным взглядом Дарвин поднялся со своего дивана и направился к выходу.

«Пережду бунт в другом месте», — подумал он, но до выхода дойти не успел. На парковке остановился микроавтобус, из которого вышли несколько взрослых мужчин. Они направились к клубу, и Дарвин плавно изменил маршрут, чтобы не оказаться у них на пути. За последнее время он хорошо научился оставаться незаметным.

Их голоса становились всё громче, они говорили на французском. Каждый образованный марокканец владел этим языком, однако в Гибралтаре коренных жителей было ничтожное количество по сравнению с простыми рабочими, стекающимися со всех стран мира.

— Очередные грабители пожаловали, — усмехнулся старик. — Невдомёк им, что такие места обчистили в первые часы.

Во время передвижения по городу Дарвин видел грабителей разных видов: от бездомных и наркоманов, пытающихся проникнуть на склады торговых